

ГЛАВА 7. НОЧНАЯ РАЗВЕДКА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ветер свистел в ушах, становясь почти осязаемым. Шорох примятой сухой травы в ночной тишине разрастался, пока не превратился в подобие треска лесного пожара.

Чэнь Гэ бежал последним. Он то и дело оглядывался: полтора десятка преследователей не отставали, их факелы оставляли в темноте огненно-рыжие росчерки. До него долетали обрывки их разговоров, подхватываемые ветром.

— Их как минимум трое. Убили одного золотого гуся, — выдохнул первый солдат.

— Если не схватим их, нам не жить, — отозвался второй.

— Третий отряд уже вернулся на позиции. Боюсь, это отвлекающий маневр. Если мы не вернемся в ближайшее время, они доложат в главный лагерь. Тогда поднимут подкрепление.

В голове Чэнь Гэ что-то тревожно щелкнуло. В каждом малом лагере циньцев было по двадцать человек, а за ними сейчас гнались лишь пятнадцать. Значит, пятеро уже вернулись охранять стоянку. Должно быть, те твари имели огромную ценность. Смерть даже одной из них — серьезный проступок, за который солдатам придется отвечать головой. Если погоня затянется, на ноги поднимут весь рудник.

Прибавив ходу, он поравнялся с Ли Хуном и прокричал:

— Нам их не стряхнуть! Часть людей вернулась назад, скоро поднимется тревога!

Ли Хун лишь мельком взглянул на него и глухо бросил:

— Они не успеют.

— Здесь! — раздался голос Янь Чуаня.

— В воду! — скомандовал Ли Хун. Он подхватил Чжао Ци и буквально швырнул его в заросли, а затем и сам нырнул следом.

Это была заболоченная низина с мелкими озерцами. Судя по звуку всплесков, глубина была небольшой, но под ногами хлюпала вязкая, коварная почва. Решив, что они собираются переждать погоню под водой, Чэнь Гэ на ходу сорвал несколько стеблей тростника и осторожно ступил в топь.

Его обдало пронизывающим до костей холодом.

Окоченевшими пальцами Чэнь Гэ раздал остальным стебли — дышать через них, скрывшись под поверхностью. Заметив, что маленького Чжао Ци колотит особенно сильно, он прижал мальчика к себе и ласково погладил по голове, пытаясь хоть немного успокоить.

Вскоре преследователи добрались до берега. Пламя их факелов плясало над водой, выхватывая из тьмы клочки тумана.

— Ищите везде. Живыми не брать, — скомандовал старший.

Солдаты разбились по двое и разошлись в разные стороны. Двое оказались совсем рядом. Чэнь Гэ смотрел из-под воды на пляшущие над ним отсветы, от которых нестерпимо резало глаза.

Вдруг Ли Хун и Янь Чуань двумя бесшумными теньями метнулись наверх. Они вынырнули так стремительно и легко, что циньцы даже не успели вскрикнуть — их просто стащили в воду и молниеносно перерезали глотки. Все закончилось в считанные мгновения. Выпущенные из рук факелы упали на берег и, крепко завязнув в грязи, продолжали тлеть, пуская едкий дым.

Горячая кровь толчками хлынула из рассеченных артерий, окрашивая холодную воду. В ночной темноте этого не было видно, но Чэнь Гэ чувствовал кожей, как вязкая жидкость обволакивает его ноги.

В душе он отчаянно пытался оправдать Ли Хуна. Шла война, циньцы были врагами, и это была самооборона — вполне логичные доводы. Но с другой стороны, Чэнь Гэ прожил в своем мире всего семнадцать лет. Он вырос в эпоху цивилизации, где жизнь каждого человека ценилась превыше всего, а он сам был хрупким тепличным цветком. Он никогда не видел столько крови, на него даже голос редко повышали. То, что происходило сейчас, на корню подрывало его моральные устои.

«Ведь можно было просто спрятаться, — думал он. — Существует тысяча способов избежать столкновения, и убийство — самый неразумный из них».

Ли Хун и Янь Чуань действовали слаженно и жестоко. Меньше чем за минуту они перебили десятерых. Чэнь Гэ и Чжао Ци наконец смогли высунуть головы из воды, судорожно отплевываясь и хватая ртом воздух.

Однако двое циньцев, хоть и были ранены, успели среагировать. Заметив двух беззащитных юношей, выбирающихся из воды, они бросились к ним, явно намереваясь захватить заложников.

Короткая стрела с сухим свистом пробила доспех одного из нападавших прямо в области сердца. У Янь Чуаня закончились болты, и Чэнь Гэ, оттолкнув Чжао Ци в сторону, сам пошел наперерез последнему солдату.

Воины Цинь славились своей свирепостью и выучкой, их удары были быстры и безжалостны. Но Чэнь Гэ двигался еще быстрее. Для него движения врага казались замедленной съемкой. Он легко читал каждый замах, каждую попытку атаки, уверенно владея преимуществом.

Его лицо оставалось мягким, почти спокойным, но движения были выверенными и четкими — сказывались годы изнурительных тренировок. Маленький Чжао Ци, наблюдавший за этим вблизи, ощутил странную, пугающую жуть.

Чэнь Гэ предпочитал работать ногами и локтями, почти не задействуя свои изящные ладони. Уклонившись от очередного выпада, он оказался за спиной врага и, выбрав момент, нанес мощный удар локтем под лопатку. Огромный циньский воин, ростом под два метра, едва не рухнул лицом в воду.

Солдат выплюнул кровь — удар явно повредил внутренние органы. Он на мгновение задохнулся, но тут же, подстегиваемый животным страхом смерти, снова вскочил на ноги.

Чэнь Гэ замер. Он чувствовал исходящую от врага жажду крови, но внутри у него было странно пусто. Он знал: этот человек его не убьет. Спустя секунду Чэнь Гэ сорвался с места. Резкий рывок, прыжок — он наступил на колено противника, взлетел вверх и с силой обрушил колено на ключицу воина. Раздался отчетливый хруст кости. Тут же Чэнь Гэ переплел руки, мертвой хваткой зажимая шею солдата.

В воцарившейся тишине он слышал, как бешено, точно барабан, колотится сердце воина, чувствовал, как вздулись вены у него на висках. Тот отчаянно пытался вырваться, но хватка была непоколебима. Из носа и ушей циньца начала сочиться кровь.

«Ему больно, — пронеслось в голове Чэнь Гэ. — Но зачем мне его убивать?»

Он разжал руки. Воин, лишенный сил, мешком осел в грязь.

Ли Хун резким жестом стряхнул кровь с кинжала. Алые капли разлетелись веером, исчезая в воде. Перехватив оружие обратным хватом, он протянул его Чэнь Гэ:

— Прикончи его.

Чэнь Гэ не взял кинжал. Он лишь покачал головой:

— Он больше не может сражаться. У меня нет причин его убивать.

— Стоит ему немного прийти в себя, и он приведет подмогу, — жестко отрезал Ли Хун. — Тогда нам не выстоять против целого отряда. Они вырежут юношей Царства Чжао, не пощадят ни стариков, ни детей.

Раненый солдат с трудом приоткрыл заплывшие глаза. В его взгляде, налившимся кровью, читалась люта́я ненависть.

— Он ненавидит тебя. Как только ты отвернешься, он вцепится тебе в горло. Бери!

Ли Хун силой вложил кинжал в руку юноши. Его ладони, огрубевшие от работы и покрытые старыми шрамами, сейчас были испачканы свежей кровью.

Едва коснувшись рукояти, Чэнь Гэ ощутил, как холод стали пробирает до костей. Он хотел что-то сказать, но Ли Хун не дал ему раскрыть рта.

Резко сжав его запястье, Ли Хун навалился всем весом и направил его руку вниз. Лезвие с хрустом пробило гортань. Горячая кровь брызнула на пальцы, мигом согрев ледяную сталь.

Хлюпанье рассекаемой плоти, скрежет металла о позвонки — это ощущение было за гранью ужаса.

— Ли Хун! — вскричал Чэнь Гэ, задыхаясь от гнева и шока. — Что ты наделал?! Зачем ты это сделал?!

Ли Хун ничего не ответил. Он молча заставил Чэнь Гэ сжать окровавленный кинжал обеими руками, а сам подхватил копье убитого и, не оборачиваясь, бросил:

— Забирай Чжао Ци и возвращайся. Мы с Чуанем добьем остальных.

Они с Янь Чуанем быстро растворились в ночи, направляясь в сторону Северо-западного главного лагеря. До Чэнь Гэ долетели лишь обрывки их негромкого разговора.

— Зачем ты заставил его? — спросил Янь Чуань. — Жалко парня, не по себе ему теперь.

— В это смутное время жизнь человеческая — прах, — слышался голос Ли Хуна. — Ему пора было научиться...

— Ты к нему по-особому относишься.

— Помолчи.

Чэнь Гэ вытер кинжал, стараясь не смотреть на труп. Чтобы скрыть следы, он сбросил тела в топкое болото, а когда те не пожелали тонуть, ему пришлось несколько раз прыгнуть сверху, втаптывая их в вязкую жижу.

Слезы душили его. Содрогаюсь от холода и рыданий, он повел за собой такого же дрожащего Чжао Ци. Мальчик выглядел совершенно раздавленным — то ли от мороза, то ли от увиденного.

Они благополучно добрались до своих палаток. Тем временем Ли Хун и Янь Чуань уничтожили оставшихся пятерых стражников и подожгли стоянку. Они хотели пробраться глубже в Северо-западный главный лагерь, но охрана там была слишком плотной. К тому же приближался рассвет, и им пришлось разойтись: Ли Хун поспешил вернуться к своим.

На следующее утро циньцы обнаружили сгоревший лагерь. На пепелище нашли лишь пять тел, остальные пятнадцать бесследно исчезли. Часовые на постах клялись, что никто не покидал рудник. Сотник долго орал и угрожал расправой, но в итоге дело замяли.

— Он здесь не главный, — шепнул Чэнь Гэ.

Он боялся смотреть на Ли Хуна, но, вскинув голову, обнаружил, что тот сам во все глаза смотрит на него, а на макушке у него нелепо топорщится вихор.

— Ты... что об этом думаешь? — выдавил из себя Чэнь Гэ.

Ли Хун молчал, глядя в пустоту, словно не слыша вопроса.

Решив, что тот все еще злится, Чэнь Гэ не смел больше его тревожить. После ухода сотника десятники и пятидесятники принялись срывать злость на пленных, устраивая внеочередные проверки.

К полудню сотник лениво приказал перераспределить рабочих. Чэнь Гэ, Ли Хуна и Чжао Ци отправили в глубокие шахты. Теперь им предстояло добывать пирит. Чэнь Гэ заметил, что пласты серы здесь выходят на поверхность, а из трещин со свистом вырывается едкий газ. Запах напоминал ему метан.

В животе у Ли Хуна громко заурчало, и он наконец пришел в себя.

Весь день Чэнь Гэ старался быть полезным: он один выполнял норму за троих. Локоть Чжао Ци, расклеваный золотым гусем, воспалился. Из-под грязной тряпки, которой была обмотана рана, сочилась сукровица.

Заметив, что Ли Хун немного смягчился, Чэнь Гэ осторожно начал:

— Я очень за вас переживал вчера... Из-за тех монстров. Вы ведь о них почти ничего не знаете.

Ли Хун посмотрел на него без прежней злости.

— Там, откуда я родом, многие становились такими же, как эти птицы — живыми мертвецами, которыми движет лишь голод. Это невозможно контролировать. Мы потеряли сотни миллионов людей, прежде чем решили, что обуздали заразу. Но это была иллюзия. Поверь мне, я не лгу.

— Я верю тебе, — без колебаний ответил Ли Хун.

Чэнь Гэ приободрился:

— Во-первых, я признаю свою ошибку. Я не послушался твоего приказа, и это привело к недоразумениям. Мы потеряли время, Янь Чуань едва не пострадал... Прошу прощения. И... спасибо, что спасли меня.

Ли Хун замер на мгновение, кивнул, затем покачал игриво торчащим вихром, и выражение его лица окончательно потеплело.

— План Цинь, скорее всего, таков, — продолжил Чэнь Гэ. — Они получили вирус. Сначала испытали его на золотых гусях. Птицы заразились, но почему-то лишь наполовину, и ими стало можно управлять. Это дало циньцам надежду использовать заразу как оружие. Теперь они хотят ставить опыты на людях. На своих нельзя — слишком опасно, если что-то пойдет не так. А граница кишит беженцами и пленными. Это идеальный полигон. И те, кто управляет гусями — истинные хозяева этого места. Северо-западный главный лагерь — это их логово, лаборатория и загон для мертвецов.

Ли Хун задумчиво кивнул:

— Твои слова звучат разумно. Но «они» явно не в ладах с обычными солдатами. Вчерашние события замяли слишком быстро — это не в духе Цинь. Похоже, те алхимики — чужаки, и обе стороны друг другу не доверяют. «Ученые» потеряли гуся, а циньцы — двадцать воинов.

Он снова внимательно посмотрел на Чэнь Гэ. Тот поежился под этим взглядом:

— Да не смотри ты так, я же извинился.

Ли Хун как-то странно усмехнулся и бросил короткое:

— Прости.

— А?

Но Ли Хун лишь покачал головой, давая понять, что разговор окончен.

Чэнь Гэ повеселел — его наконец-то простили.

Работа не прекращалась до самых сумерек. Пленных не кормили. Когда в шахте стало совсем темно, а из-за скопившихся газов зажигать факелы было нельзя, охрана погнала всех на поверхность.

Обнаружив, что его тело восстанавливается необычайно быстро, Чэнь Гэ перестал бояться боли. Он всегда шел последним, принимая на себя удары плетей. Ли Хун оборачивался и видел лишь его светлые, как у щенка, глаза, полные слез, и нелепую, виноватую улыбку.

Закат окрасил полнеба в кроваво-красный цвет. Золотая кайма облаков полыхала над горами.

Пока они отмывали инструменты у воды, Чжао Ци внезапно забился в конвульсиях. Кирка несколько раз выпадала у него из рук. Патрульный циньец замахнулся плетью, но Чэнь Гэ с привычной улыбкой закрыл мальчика собой. Солдат, решив, что парень просто слабоумный, сплюнул и прошел мимо.

Чэнь Гэ осмотрел рану на локте мальчика и велел ему сидеть в тени.

Ли Хун произнес, понизив голос:

— Вчера Чжао Ци водил нас с Янь Чуанем на разведку к Северо-западному главному лагерю. Все увиденное совпало с тем, что он рассказывал. Гуси сожрали пленных, а потом золотыми искрами вернулись к хозяевам. Тела же восстали и побрели следом. Твои догадки подтверждаются разведкой Янь Чуаня.

Чэнь Гэ изумился:

— Я же все это объяснил тебе еще утром. Ты только сейчас сообразил?

Ли Хун густо покраснел и отвернулся.

— Меня беспокоит малыш Чжао Ци, — добавил Чэнь Гэ. — Он сам не свой.

— Думаешь... заражение?

— Именно. Раны, контакт с кровью монстров — это самый верный путь. Вирус крайне активен.

— Если бы он заразился, то уже стал бы «зомби». Но он просто слаб от потери крови. Не волнуйся.

Видя, что Ли Хун больше не сердится, Чэнь Гэ решил добавить:

— Знаешь... убивать людей все равно неправильно.

Ли Хун вздохнул, глядя на далекие горные хребты:

— Истинная воинская доблесть — в прекращении войн.

Чэнь Гэ понимающе кивнул:

— Наверное, сейчас иначе нельзя. Я начинаю понимать.

— Отец говорил мне: Небо ко всем равнодушно. Если ты сильнее других, на тебе лежит больше ответственности. Ради спасения многих порой приходится совершать то, что считаешь ошибкой.

Чэнь Гэ вдруг прыснул от смеха, замахав руками на недоуменного Ли Хуна.

Тот нахмурился:

— Я объяснил тебе, как обстоят дела. Если сегодня ночью ты снова проявишь мягкотелость, я не посмотрю на наши отношения.

Чэнь Гэ радостно закивал. «Значит, сегодня меня возьмут с собой? Потрясающе!»

Он чувствовал себя так, будто получил высшую награду. Это напомнило ему о том дне, когда он впервые убил мертвеца. Ему тогда было тринадцать.

Цзянь Юньлан привел его на тренировочный полигон — огороженный участок джунглей. Там среди буйной зелени раздавались звуки, которые невозможно было спутать ни с чем: хриплый, нечеловеческий вой.

Для Чэнь Гэ это было просто заданием. Одним ударом он снес голову монстру. Глядя на то, как она катится по земле, он в первый миг испытал гордость. Но потом до него дошло: эти «существа» когда-то были людьми. В памяти всплыли обрывки новостей о правах зараженных и этике их уничтожения. Он выронил нож и, заливаясь слезами, побрел прочь, оставляя за собой след из черной гнили.

Он тогда без конца спрашивал себя: «Зачем? Почему я должен это делать?»

Цзянь Юньлан страшно расстроился, видя его слезы, но тренировки не прекратил.

— Подлинное милосердие — это не слезы, — сказал он тогда. — Это готовность действовать, когда другие отступают. Ты молодец, Хром.

Оружие в его руках было силой, а слезы — признаком того, что его душа противится насилию. У кого в сердце не было этой борьбы между светом и тьмой? Просто воины не могут позволить себе роскошь долгих раздумий.

— Зачем мне все это? — спросил он брата.

— А зачем мне это? — с улыбкой ответил Цзянь Юньлан.

— Потому что ты солдат!

Цзянь Юньлан покачал головой:

— Я делаю это, чтобы тебе никогда не пришлось. Но я не всегда буду рядом. Ты можешь плакать от боли, но не смей плакать от трусости. Я не хочу, чтобы ты жил ради других, но ты обязан уметь защитить себя.

— Но как ты можешь уйти?! — рыдал Чэнь Гэ.

Цзянь Юньлан крепко обнял его:

— Ты — самое дорогое, что у меня есть. Я всегда буду в твоём сердце.

Чэнь Гэ судорожно вздохнул, вырываясь из вязкого болота воспоминаний, и обнаружил, что до боли сжимает в объятиях Ли Хуна. Он так сильно обхватил его за шею, что тот побагровел:

— С тебя хватит!

Чэнь Гэ в испуге отпрянул, рассыпаясь в извинениях. В суматохе он случайно задел Ли Хуна ниже пояса и обнаружил... нечто весьма твердое. Он украдкой глянул на товарища: Ли Хун покраснел до самых кончиков ушей.